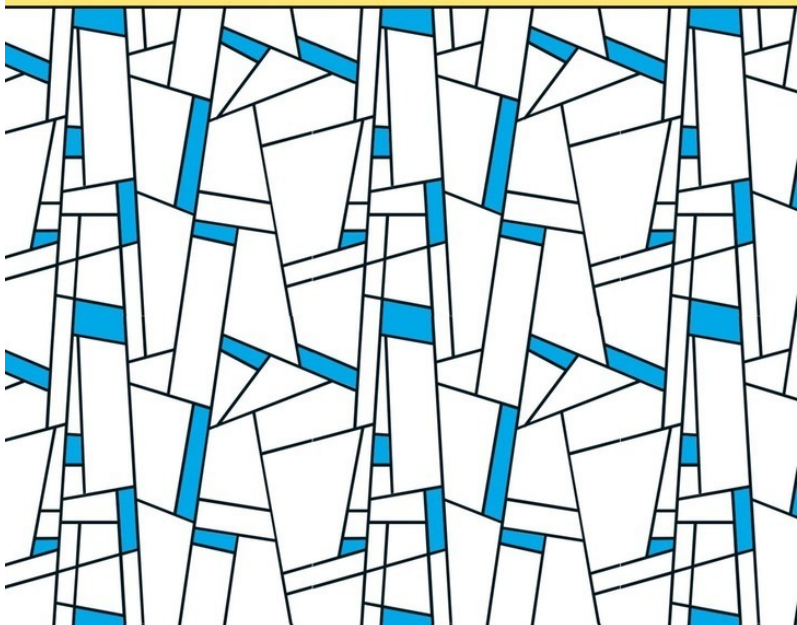

Сергей Степанов-Прошелец

Слышишь эту музыку?

Сергей Степанов-Прошелецев Слышишь эту музыку? Стихи не на каждый день

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43114360
ISBN 9785005007780*

Аннотация

Стихи – такая субстанция, что живёт в сердце. Они не умирают, они помогают выжить в это непростое время. Они приносят покой и умиротворение. Но они могут и взбунтоваться...

Содержание

Сергей СТЕПАНОВ	5
Со мной навсегда	5
ТАНЦЫ В СТИЛЕ РЕТРО	7
ДОРОЖНИКИ	17
НАКАЗ ДЕМБЕЛЯМ	21
ПИСЬМО ИЗ ПЯТИГОРСКА	35
ОКТЯБРЬ	41
ДЕВОЧКА ДЕТСТВА	44
СТАВРОПОЛЬ	46
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Слышишь эту музыку? Стихи не на каждый день

**Сергей Степанов-
Прошелец**

© Сергей Степанов-Прошелец, 2019

ISBN 978-5-0050-0778-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сергей СТЕПАНОВ СЛЫШИШЬ ЭТУ МУЗЫКУ?

Со мной навсегда

* * *

Коснешься встревоженных клавиш —
и словно окутает дым.

Об этом словами не скажешь:
лишь музыкой мир объясним.

Но только откуда тревога
приходит опять и опять?
Как это безумно! Как много!
Как можно такое понять?!

* * *

На мгновенье забудь, что наш век суетлив,
что в прихожей не выключил свет, уходя, —
и услышишь давно позабытый мотив,
что сентябрь подбирает на скрипке дождя.

И услышишь, как листья поют, и остуд
не боятся. Не бойся и ты, оглядись —

и забудешь свой угол и сытый уют,
и душа устремится в рассветную высь.

И она воспарит над кленовою хной
и над ветром, что пыль водяную несёт.
Пусть в тот миг будет править твоею страной
эта музыка непостижимых высот.

* * *

Травой запахнет и весной,
и эта музыка – она,
как яблонь цвет, как шум лесной,
как море – светлая до дна.

И канделябры на стене поют,
и зал, что пустовал,
и вихри праздничных теней,
как фавны, пляшут по столам.

Я ожидал тепла давно,
я слышу снова шум ветвей.
Взгляни: оттаяло окно
от этой музыки твоей.

ТАНЦЫ В СТИЛЕ РЕТРО

Играют в оркестре фагот и валторны,
забытою нежностью пахнут гвоздики.
И ноги скользят – и легки, и проворны,
и платья мелькают, как лунные блики.

Подъем, волоокие виолончели,
чтоб каждый, услышав вас, засомневался:
оркестр заиграл или птицы запели!..
Откуда взялась ты, мелодия вальса?

Тебя нашептал мне прибой белопенный
цветенья, что выюгой бушует над кручей,
исторгнув из хаоса древней Вселенной
гармонию этих весенних созвучий.

Взлетают они лепестковою тенью,
по-детски доверчивы тихие трели.
Да здравствует это безумство круженья,
что мы у небесных светил подсмотрели!

Пусть вновь, как от бега, стесняет дыханье,
пусть будет черемуха в россыпи росной.
И тайна – глубокая, как мирозданье,

в глазах твоих, свет отражающих звёздный.

* * *

Сорок первый. Павлоград. Полымя, геенна.
То последний был парад трубачей военных.
Им велят шагать вперёд – пусть свои застрелят,
пусть угаснет этот род – красных менестрелей.

А они вовсю дудят, туба вопль исторгла,
оглашая этот ад музыкой восторга.
Вот уже оркестр полка в двух шагах от рая.
Кровь струится с мундштука, а кларнет играет.

Он играет как бы сам, сократив длинноты.
Как немой, он по губам прочитал все ноты.
Над землей застыл рассвет, немец чешет темя,
потому что в мире нет гениальной темы.

* * *

Я слышу звёздные лучи,
когда весь мир окрашен хной.
Какая музыка звучит
в осенней тишине ночной!

Как голос из иных миров,
где не присутствует беда,

как будто звон колоколов,
что очищает, как вода.

Благоухая, как сандал,
она покинуть не спешит —
она со мною навсегда,
ведь это музыка души.

Был пианист уже изрядно лыс
и аскетичен, как индийский йог.
Он выходил бочком из-за кулис —
зал еле-еле сдерживал смешок.

И медленно мелодия плыла,
как облака: за слоем — новый слой,
прозрачна, удивительно-светла,
как сад, омытый солнечной водой.

И не было печалей и обид,
и пробирала, как в ознобе, дрожь.
...А фрак на нем рогожею висит.
Нисколько на артиста не похож.

* * *

Мне не надо билета

на премьеру балета,
где кончается лето
и где тризна по лету.

Там направленный вектор —
мир осеннего сада,
где мелодия ветра
на слова листопада.

* * *

Шаркал дождь. Было холодно, ветрено, хлипко,
но набрызгал юпитер светящихся струй,
и высокая девочка с тихой улыбкой
вдруг коснулась смычком расколдованных струн.

И не мог я понять: одурманили сны ли,
или что-то, что мне неизвестно пока?
Пели струны, как робкие птицы лесные,
и была та мелодия сладко-горька.

Как рябина в меду, как перчинка в шербете,
нам тепло обнажённого звука неся...
И слезами всех ныне живущих на свете
эту радость, наверно, оплакать нельзя.

* * *

Это – финиш, катарсис того, что мечта,
но не много ли этой волшебной мечты?
Убегает душа от погони смычка
за пределы гармонии и чистоты.

Поражённая молнией, старая ель,
заглянувшая ночью в бескрайнюю высь,
стала скрипкой, которая гонит метель
из разрозненных звуков, что вместе слились.

Эта музыка всё, что неважно, сомнёт,
и наполнит сердца жаркой силой огня,
чтоб остаться, навеки остаться со мной
и для тех, кто заступит на смену меня..

* * *

Синь загоняя в угол
тучей, чьи рваны клинья,
лето выводит фугу
шестиголосым ливнем.

С мокрой сползая горки,
тёплое тело ночи
музыку эту горлом,
сердцем своим доносит.

Может, пойму случайно
этот поющий ветер,
сладкую эту тайну —
тайну всего на свете?

* * *

Верни эту музыку лёгким касанием клавиш,
пойми – это время в смертельный тупик завело,
когда для спасенья души что угодно оставишь —
жену и друзёй, чтоб седлать не пришлось помело.

Верни эту музыку, лунные эти сонаты,
опасную близость – так бабочку тянет к огню.
Как преданный друг и как верная раньше собака,
забывшая кличку, надежду я в сердце храню.

Верни мне мой сон, я доверюсь, как прежде легенде,
когда неуместен позорный и нищенский торг,
когда, словно кобру, волшебная флейта и Гендель
заставят меня пережить тот забытый восторг.

* * *

Из-за наносов мусора, из-за всего, что лишнее,
вдруг возникает музыка – музыка еле слышная.
Очень уж незатейливо, напоминая давнее, —
тощею хризантемою

в бедности увядания.

Камнем, что в воду бросили, синью, что небом послана,
музыка ранней осени, словно гвоздем по прошлому.
Сколько всего потрачено, я не скажу уверенно,
чтоб ощутить прозрачное,
легкое дуновение.

И наплывёт несмелая лодка надежды зыбкая...
Что же со мною делают этот фагот со скрипкою?
...Всходы дают озимые, слыша, хоть непогодило,
эту необъяснимую,
как волшебство, мелодию.

* * *

Сопрано гобоя и тубы контральто...
Мир музыке этой открыт,
и жизнь зависает в немыслимом сальто,
и скрипки рыдают навзрыд.

А мы не успели к беде прицениться,
уроков никто не извлёк.
Немыслимым цветом слепит медуница —
так слепнет от фар колонок.

И кажется мир беспредельным и светлым,

ещё не покажет он тыл,
и мы, унесённые солнечным ветром,
не видим нигде черноты.

Ещё не обижены жизнью мы слишком,
характер ещё, как желе.

Мы музыку эту попозже услышим,
когда уже поздно жалеть.

Когда уже нет изначального страха,
что в тёмную дьявол сыграл,
когда примиряет с симфонией Баха
беды запоздалый хорал.

* * *

Сверкает на солнце корнет-а-пистон,
но тембр его мрачно-постыл,
и он обещает не синий простор,
а пыльный крапивный пустырь.

И снова душа облегченно пуста,
как серой дороги миткаль,
и бьётся, как в клетке, мелодия та
в потерянном сердце цветка.

Сыграй, трубадуй, что-нибудь веселей,

чтоб трав не замедлился рост,
чтоб жизнь не была той дороги серей,
упёршейся в древний погост.

Чтоб в небо взлетала на зависть орлам,
забыв про любимых и дом,
чтоб душу она, как рубашку, рвала
в каком-то запале хмельном.

Когда уже всё, когда близится край,
когда замахнулись мечом...
Сыграй, музыкант, напоследок сыграй,
пусть музыка та ни о чём.

Из ранних стихов. Наша жизнь далека от схемы

* * *

Пробежит проныра-ветер,
предвещающая снова грозы.
Проплывёт по дюнам вечер
и застынет тёплой бронзой.

И закроет солнце туча,
гневом летних молний пыша...
У меня такая участь —
прочитать, что небо пишет.

У него душа не злая,
дождик мучит одинокость.
Он на землю посылает
свою искреннюю мокрость.

Эти тоненькие струи
говорят о чём-то важном...
Знаю я, что расшифрую
эту клинопись однажды.

ДОРОЖНИКИ

Я работаю и не ною — так велела моя душа.
И покряхтывает от зноя повидавший виды большак.
Самосвалы ссыпают гравий, оглашенно мотор ревёт...
Не укладывается в график запланированный ремонт.

Перебои в поставках часто — они были до нас давно,
и мы кроем вовсю начальство, хоть виной всему не оно.
Кроем дружно мы всю систему, и теперь понимаю я:
наша жизнь далека от схемы планомерного бытия.

Я по фене ещё не ботал, да вот ботаю в унисон.
И от этой тупой работы, как мешки, мы валимся в сон.
Над бытовкой блажит синица, разлетаются облака,
и асфальт почему-то снится, непросохший ещё слегка.

* * *

Отравлен ты смертельной из отрав —
тебя купили власти с потрохами...
А где-то есть страна дремучих трав
и есть цветы, что росы отряхали.

В том паутинном, лешачьем лесу,
где у ручья серебряные струи,

ты трогал говорливую листву,
осваивая азбуку лесную.

Ты постигал неведомый язык,
что состоит лишь из одних шипящих,
и был понятен каждый птичий крик
и треск деревьев в непролазных чащах.

Забыл ли ты тот сумрак голубой,
тот взгляд луны, рукопожатье веток,
когда природа говорит с тобой?
С тобой одним. Как с другом. До рассвета.

* * *

Земля – это маленький остров,
но манит нас звездный причал.
Найти во Вселенной не просто
каких-то разумных начал.

Но мы, позабыв о насущном,
уверены: в логове тьмы
есть кто-то, какая-то сущность,
что думает так же, как мы.

И так же вздыхает ночами,
и видит, как прежде, одно:

лишь ровное зыбкое пламя
миров, что остыли давно.

* * *

Любовь нельзя измерить, коль в ней наплыв огня...
Разлука – не измена, не осуждай меня.
Что мне с собой поделать? Я в небо рвусь опять.
К небесному приделу не надо ревновать.

В непостижимой шири так долго ждёт, маня,
единственная в мире Вселенная моя.
Я ощущаю убыль, когда она не ждёт.
Прости, но я – двулюбый, поэтому – пилот.

Лечу в пространстве полом, чтоб, нагостившись всласть,
в траву на летном поле росистую упасть.
Нежнее нет свиданья, дозволь тебя обнять...
Так после расставанья приходит к сыну мать.

* * *

Свет утра расплывчат и жидок,
он льётся по белым холмам.
Холодные губы снежинок
к моим прикоснутся губам.

Мы так же всё время рискуем

растаять в редющей мгле,
прощальным скрепив поцелуем
любовь нашу к этой земле.

НАКАЗ ДЕМБЕЛЯМ

Кому – чемодан, а кому... Наше время кемарит.
Ещё нам три года носить сапоги и шинели.
– Привет передайте деревьям, траве и... Тамаре —
девчонке, глаза у которой апрелем синели.

Что скажет она? Ну, об этом, наверно, отдельно.
Забот у неё... Надо зонтик забрать из починки,
поскольку дожди... А здесь так не хватает дождей нам,
в пустыне, где ветер никак не сочтет все песчинки!

Мы тоже уедем. И пусть это будет нескоро,
тем радостней встреча. Собаки охрипнут от лая.
И девочка эта посмотрит и скажет с укором:
«Ну, знаешь, так долго еще никого не ждала я».

* * *

Был чист тот вечер, как родник,
в осинность рощицы опущенный:
листва нависла над опушкою,
как рыжий лисий воротник.
Был чист тот вечер, как родник.

И мягок был зелёный мох.

И что-то мы вдыхали с ветром.
И шляпой старую из фетра
туман на землю рядом лёг.
Я это выдумать не мог.

Он плыл, стекая, как гуашь,
и обнимал листвою летящею.
Совсем уже по-настоящему
входил октябрь, как видно, в раж.
Такой нечаянный витраж.

* * *

Мы все усложнили. Мы любим – и то на бегу.
Враждуем, взрослеем – и всё это так торопливо.
А время несётся – сквозь радость и нашу беду,
и, может быть, только мгновенье осталось до взрыва.

И мысли ещё в поднебесье порою парят.
Устойчиво всё. И не рушатся мифы и стены.
Как поезд курьерский, на всех своих мчится парях
неведомый гость из какой-то враждебной системы.

Материя смертна. Вселенная мрака полна,
и разум бессилен измерить её протяженье.
Начала ей нет – ведь у бездны не может быть дна:
в ней царствует хаос, в ней вечно лишь только движение.

Но кто-то пророчит: минуют века и века,
и все повторится, и к атому сложится атом,
и вновь мы родимся — из трав и тычинок цветка,
из пламени плазмы — такими, как были когда-то.

Так верить заманчиво в этот далёкий повтор,
в рождение из пекла сверхновых, из ядерной топки,
в бессмертье Земли, её рек, водопадов и гор
и в нашу вторичность, что нам обеспечат потомки.

Мы будем другими. Мы будем умнее в сто крат.
Мы штурмом возьмем запредельно-секретные зоны.
Но память... Наверное, гены её сохраняют —
так помнят о рыбах и птицах людей эмбрионы.

Но кажется мне, что иллюзия этот прогноз.
Стреляет ружье, что на вешалке пыль собирало.
На кнопку нажал — и эпоха летит под откос,
как поезд, который корёжит заряд аммонала.

* * *

Это ночь летит над тобой,
звезды дымом опеленав.
Это ветер пахнул травой,
что, как рысий глаз, зелена.

Слушай птичью робкую трель.
Листья первым дождем омыв,
вновь неистовствует апрель,
как в большом бурдюке кумыс.

Будут ветки хлестать лицо,
ветер встретишь в пути своём —
самым быстрым из жеребцов
не догнать его нипочём.

Лишь одна голубая стынь,
лишь простор неземных высот...
Ароматнее спелых дынь
будет ветер полынный тот.

Слова единственные, те

* * *

В нашей жизни много спорного,
не понять порой всего,
не достиг я, видно, полного
пониманья твоего.

Стало тошно – впору вешаться,
я до крайности был зол

и ушёл в тайгу медвежиться
и берложиться ушёл.

На поляне спела ягода,
был цветенья карнавал...
Вместе с сойкой, птичьей ябедой,
я и вправду горевал.

Там, у счастья за обочиной,
где мы с ней совсем одни,
вспоминал я озабоченно
все потерянные дни.

Забывал, что ты – попутчица,
что сошла на вираже...
Забывал, да не получится,
не получится уже.

* * *

Было ли это? Похоже, было:
это случается лишь весной,
и девочка, что не меня любила,
сидела в беседке рядом со мной.

Она смотрела с такой досадой:
никто такого совсем не ждал!

Только вот голос ночного сада
в чем-то обратном нас убеждал.

Впрочем, признаюсь: на самом деле
в этом весеннем саду вдвоём
просто на звезды мы вместе глядели,
просто думали о своём.

Просто дурманяще пахла вишня,
я отвечал, как всегда, невпопад.
Просто всё это нечаянно вышло —
вряд ли тут кто-нибудь виноват.

Надо ль винить те глаза, что шире
неба и синие, как финифть?
Можно ли эти глаза большие
в чём-то когда-нибудь обвинить?

* * *

Бурлит вокруг людской поток —
режим обычный выходных...
Все объяснения потом,
нам совершенно не до них.

Зачем гадать, что впереди?
От мыслей пухнет голова.

Сегодня, видно, не найти
ненарушимые слова.

Прости меня, что я бегу
и ты, пожалуйста, не мсти
за то, что больше не могу
меня с покоем совместить.

И вот – обшарпанный вокзал,
и вот – на полке мой рюкзак...
Я, что не сказано, сказал,
ты это видела в глазах.

Разгонит ветер чесучу
туч над щербатою горой,
и то, о чём я промолчу,
осенней вспомнится порой.

Когда придавит нас мешком
мечта несбывшегося сна,
когда покажется смешной
воздушных замков крутизна.

Пусть это будет дань мечте,
шепни в ушедшие года
слова – единственные, те,

что не услышать никогда.

* * *

Треугольник. Как в дешёвой драме.
Я в ней просто некий аноним.
Тот, другой, спешит к тебе с цветами,
ну а ты спешишь расстаться с ним.

Но пойми: он – вовсе не обманщик.
Без тебя не проживет и дня.
Отчего не выбрала ты раньше?
Отчего ты выбрала меня?

Тот, другой... Он выглядит неплохо —
до него мне словно до луны:
точно пень, я обрастаю мохом
с северной холодной стороны.

Не считай, что это чьи-то козни —
будущее скрыто пеленой.
С каждым днем я становлюсь несносней,
как старик, капризный и больной.

Будет без меня совсем вольготно,
увезет тебя к нему трамвай...
Ты его не знаешь подноготной,

лучше никогда не узнавай.

* * *

Вот скажи теперь: на шута,
в то мгновенье, когда не ждешь,
мне слова твои нашептал
шифровальщик-дождь?

И проник сюда без помех,
я его совсем не искал —
твой далекий несмелый смех,
льдинка так звенит о бокал.

И твой голос — он вдруг поник,
точно мак, — ему не ожить.
И сменяется смех на крик,
на обиды твоей ножи.

А теперь и обид тех нет,
память высохла, как горбыль.
И не дождь уже — только снег,
только ветер несёт судьбы.

Ждал тебя на свою беду,
будто лучик звезды, но лишь
ты похожа тем на звезду,

что ночью горишь.

* * *

Душный ветер вновь идет на нас войной.
Глянешь – всюду гор коричневых кайма.
Чайки с криками несутся над волной,
с шумом в воду зарывается корма.

Мы устали быть счастливыми уже.
Я к тебе сейчас в последний раз прильну...
Солнце в моря опускается фужер —
алым камешком рубина в глубину.

Сколько дней без отпусков я оттрубил
с той поры, но до сих пор сверкает мне
это солнце, как пылающий рубин,
даже в мутной, потемневшей глубине.

* * *

Не чувствуя с миром разлада,
ты жил, никогда не скуля,
но мир вдруг становится адом —
и всё начинаешь с нуля.

И день тот обрадует летний,
и не возмущает, когда

шуршат по-мышинному сплетни —
теперь от них мало вреда.

И вовсе не надо разборок.
Ты лишь бескорыстия ждёшь
от той, нет дороже которой,
совсем не способной на ложь.

* * *

Уходить пора пришла —
времени до боли мало...
Рукава намок обшлаг
от летящего тумана.

Он втекает в узкий створ
дворика, где тает лето,
но ведём мы разговор
абсолютно не про это.

Словно дым, он невесом,
в синих тлеющих просторах,
ни о том и ни о сём —
как невнятный липы шорох.

Скрип ступеней – нервный скрип
(и кого там только носит?).

Тишина. И чей-то крик,
доносящийся из ночи.

Ты в тени исчезнешь той,
что угаснет в час восхода.
Подожди! Я крикну: «Стой!», —
с опозданием в три года.

* * *

На гражданке еще продолжается лето,
на цветах стынут капли прозрачных росинок.
Здесь песок да такыры. И, кажется, нету
ощущенья того, что ты связан с Россией.

Дни – тяжелые камни, что бухают оземь.
Служба в армии – жесть, врут Кобзон и Ошанин.
Принесло это лето холодную осень, —
невеселую осень коротких прощаний.

Мы искали друг друга, расстались нелепо,
в подворотнях булыжных извилистых улиц...
Ну да ладно, пускай не вернётся то лето,
пусть вернется не к нам – к нам надежды вернулись.

* * *

Возможно, это – только давний сон...

Мы день на полуслове обрываем.
Наш дом – как остров. Он необитаем,
поскольку был давно уже снесён.

Но мы придём сюда, устав от слов,
от спешки, жизнью вызванной шальнойю,
чтоб надышаться тёплой тишиною,
что притаилась, словно птицелов.

Тот год ещё не предвещал потерь,
не думалось, что рушатся стропила.
И всё тогда куда понятней было,
и всё открыто, как входная дверь.

Не знали мы, что станет всё чужим,
что нас настигнет камнепад печалей,
и мы молчали, мы тогда молчали,
поскольку мир молчаньем постижим.

И тишина не пряталась ничуть,
утопленная в то сырое лето,
хоть дождь шумел... Но значит ли все это,
что в шуме скрыта истинная суть?

Нет, сути нам с тобой не миновать:
уже давно преследует нас тенью

молчанье, что несёт нам облегчение, —
молчанье, не умеющее лгать.

* * *

Откуда я всё это знал? Ведь был я не пророк.
Откуда, из какого сна я это всё извлёк?
А это и не сон уже, а так — сплошной обман,
и сверху белое драже швыряет в нас зима.

Обман надёжно скрыт в словах, он — мутная вода...
Я что-то навсегда сломал, не верилось когда.
Обман — как душный сеновал, а явь — простор мечтам,
когда, как речка, синева в глаза впадала нам.

Но всё пошло вперекувыр, всё стало вдруг не то,
ведь в чём был тот обман, увы, не знал из нас никто.
Нет, я нисколько не позёр, но тут такой загиб,
что лучше пережить позор, ведь мы теперь — враги.

Враги... Я этому не рад, но это не сказал.
Враги, когда отводим взгляд, чтоб не глядеть в глаза.
Враги — когда прощенья ждешь, но мир недостижим.
Враги — когда мы верим в ложь, а правду говорим.

ПИСЬМО ИЗ ПЯТИГОРСКА

Снег. Январский воздух горный,
свет луны прозрачно-бел.
Вновь Бештау пятигорбый
шапку белую надел.

Я везу тебе гостинец —
образцы тревожных снов,
одинокость гостиниц,
тусклый отсвет ночников,

серебро замерзшей рощи
и костра холодный дым...
Дирижирую порошей
и безмолвием ночным.

Пусть звучит светло, как прежде,
из продутой стужей тьмы
тихий гимн моей надежде
в исполнении зимы.

* * *

У разрушенного здания,
где крапивы урожай,

я проямлил: «До свидания»,
не сказал тогда: «Прощай!».

Паренек смазливой внешности,
я не знал, что не смогу
стать заложником у вечности,
быть всегда у ней в долгу.

* * *

Увезу тебя в лето, но это сосем не блицкриг.
Время – опытный лекарь, оно тебя вылечит вмиг.
Здесь колючие ости беды, что махрово цвела,
здесь январь расчехловил остатки бывшего тепла.

Здесь коростою лепры покрыты сугробы души...
Увезу тебя в лето от лютых морозов-душил.
Здесь противно и тошно и вольная жизнь на кону.
Увезу тебя в то, что не снилось еще никому.

Я хвалиться не стану, и ты не одобришь меня:
тут звучит беспрестанно мелодия летнего дня.
Это вовсе не лишне, не сон это вовсе, а явь...
Ну, а если не слышно, в наушниках громкость прибавь.

* * *

Конечно, мы её не ждём

и пояс не затянем туже.
Когда беда приходит в дом,
то это наводненья хуже.

И что-то схватывает грудь,
радикулит какой-то шейный...
И невозможно обмануть
себя словами утешенья.

Какого же теперь рожна
опять не сплю я до рассвета?
Какая логика нужна,
чтоб сердцу объяснить всё это?

Жизнь нам даётся однажды

* * *

Шустрые ветры сдуют белую благодать...
Заново молодую дай мне тебя узнать!
Видеть сакрально-синий свет, когда в час весны
солнечной звонкой силой стебли опять полны.

Видеть, что вновь лазорев близкого неба край...
Слышишь: играет зорю юный сигнальщик май?
Стань же опять другою, морем без берегов,
мир захлестнув пургою яблоневого снегов.

* * *

Ночью всё, что растёт, прозревает в саду:
синеглазые сливы глядят в высоту,
как смуглянки-цыганки, две вишни стоят...
А ещё здесь случается яблокопад,

когда звёзды свою затевают кадрили,
и луна покидает стыдливый альков,
и теплеет, как речка, небесная стиль
от прильнувших доверчиво к ней облаков.

Люди спят. Им, наверно, совсем невдомёк,
что творится на свете. Их мир – это сны.
Он предельно безумен, предельно жесток
и не знает законов весёлой весны.

Люди спят. Им, похоже, нисколько не жаль,
что не видят они, что не знают секрет,
как глаза раскрывает прозревший миндаль,
и у них необычный лазоревый цвет.

Люди к счастью не выстроят вовсе мосты,
знать не знают они: наделяет весна
тех, кто любят, глазами святой чистоты,
и они голубые, как марево льна.

* * *

С печалью затяжною храню обрывки сна,
где я иду с княжною, что вовсе не княжна.
Тогда я был румяней, чем юный пионер.
Все было, как в романе, – там я искал пример.

Все так банально было, и повод, вроде был:
она меня любила, а я себя любил.
Ответить ей? Куда там! Какая тут нужда?
Уехала куда-то в Прибалтику княжна.
И лишь подруге Даше сказала: это – месть,
поскольку знает даже, что я не тот, кто есть...

Я был от злости черен, обидно аж до слёз.
Скучал я, как Печорин, по никому всерьёз.
Судьбой не оглоушен, никем не покорён,
я вешал всем на уши гирлянды макарон.

Но совесть укоряла, проклянувшись опять:
исконкав одеяло, не мог я ночью спать,
рвал из подушки перья, бросая на диван,
и вспоминал свой первый, неконченный роман.

* * *

Лупит в стекла дождь, озон,

небо тучами зашито...

Ты пойми, что я – твой зонт,
твоя крыша и защита.

Нахлобучив туч башлык,
кроны сад взметнул отвесно —
в нем бурлит, как сок шашлы,
терпкий сок в стволах древесных.

И опять, беспечно-юн,
слышит этот старый город,
словно звон гитарных струн,
светлых струй веселый говор.

И пускай все дни дожди,
пусть тучнеют тучи градом,
только ты не уходи,
будь всегда со мною рядом,

чтобы, как в каком-то сне,
мы опять сплетали руки.

Чтобы думать о весне
и не думать о разлуке.

ОКТЯБРЬ

Он нагрянул неожиданно после жгучего зноя,
мимоходом каштаны оттенив желтизною.
И как будто в отместку за отлёт диких уток
расписание поездок до весны перепутал.

А когда все смешалось, затаился в аллеях...
Так за детскую шалость
мы стыдимся, взрослея.

* * *

Мне это судьбой завещано,
и это, как будто вот,
когда в рыжей шубке женщина
по тихой тайге идёт.

По первому снегу. В валенках,
несёт меня на руках.
А я еще очень маленький —
я ей помещусь в рукав.

Ещё кладут меня в зыбку,
ещё пуржить январю,
но мамину я улыбку

когда-нибудь повторю.

* * *

Сел ворон из лужи напиться,
не требуя пенсий и льгот...

Скажи мне, дремучая птица,
какой тебе нонича год?

Ты старше, ты многое видел,
ты вроде бы не бестолков,
и я на тебя не в обиде,
глава санитарных полков.

Не будет и этого парка,
и лужи, не станет меня,
но ты по секрету прокаркай,
что ждать от грядущего дня.

Всё скрыто от глаз пеленою,
туман разбросал свою сеть...
Что будет с моею страной,
ты хоть бы на это ответь!

Вглядевшись сквозь времени залежь,
поведай о том, что потом.
Ты вещая птица, ты знаешь,
скажи, что всё будет путём.

...Когда я смешаюсь с землею,
и время приспичит весне,
совместно с предутренной мглою
ты будешь кружить в вышине.

Бездумно, как облако в мае,
как первый порхающий снег...
Как мало, немыслимо мало
живёт на земле человек!

Нас губят и голод, и жажда,
инфаркты, любовь, геморрой.
И жизнь нам даётся однажды,
и вовсе не будет второй.

ДЕВОЧКА ДЕТСТВА

Как случайный джекпот не моей лотереи,
как прилёт марсианина к нам на чай,
так однажды весной постаревшая фея
вдруг возникла среди городской толчеи.

Мы стояли молчком. Ни к чему оправданья.
Да и что тут сказать, если столько мы врозь?!
Даже первопоследнее это свиданье
ожидать нам едва ли не вечность пришлось.

Мы выросли. Вселенная делалась шире.
Как-то путалось всё. Нету ясности – дым.
Мы спешили взрослеть. Мы так долго спешили,
что уже по инерции дальше спешим.

Суетимся, живём рядом с трепетной тайной,
и, не зная о ней, длим впотьмах бытиё,
но совсем не случайно, совсем не случайно
мы встречаем далекое детство своё.

Воскрешая мгновенье из мрака забвенья,
просигналит оно на дороге большой,
что мечта твоя стала бесплотною тенью

той мечты, что когда-то владела душой.

* * *

Октябрь безутешной вдовою
рыдает, и в сумерках дня
окатит опять с головою
карминовым ветром меня.

Как горько, что время состарит
что было всегда молодым!..
Встревоженной робкою стаей
летят эти листья сквозь дым.

Летят они, сморщены зноем,
как тени погибшей души,
чтоб этой холодной волною
напомнить, что время спешит.

* * *

Июль, как клубника, сочен, лягушки болото месят.
Лиловым бархатом ночи задрапирован месяц.
Порой тишина такая, что слышно, как сердце бьется, —
как будто вода стекает в прозрачную даль колодца,
когда голубым бериллом вдруг чиркнет звезды кресало...
И сладко душа грустила
о том, что сама не знала.

СТАВРОПОЛЬ

Не жал комбат мне руку напоследок —
он, как ищейка, шёл за мной по следу,
хотел в дисбат отправить, на курорт.
Но я слинял. Я в поезд сел, что в девять
и ничего, увы, не мог поделать
с улыбкой, что растягивала рот.

Я ехал долго. Были пересадки,
а за окном столбы играли в салки,
мое воображение дразня,
и в этом ритме ровного движенья
происходило к дому приближенье,
и замирало сердце у меня.

Восторг крепчал. Стремительнее пули
я вылетел, хмелея от июля,
лицо сияло, словно лунный диск.
Задев мешок, свалив какой-то ящик,
я отыскал автобус проходящий
с табличкой «Элиста—Невинномысск».

Урчал мотор. Я отодвинул штору —
и дух перехватило от простора
холмистого. Не верилось глазам.

То делалось мне холодно, то жарко:
мелькали Извещательный, Татарка,
и, наконец, он показался сам.

Здесь, у подножья Комсомольской горки,
повеял ветер влажновато-горький —
он был упруг, как в градуснике ртуть.
Он был отнюдь не робкого десятка —
он Пушкину распахивал крылатку,
такой же странник, чей неведом путь.

И в непрерывном колыханье веток
я обнимал тот непослушный ветер,
и были с ним мы лучшие друзья.
Он подсказал мне, этот ветер шалый:
есть города прекраснее, пожалуй,
но есть такие, без каких нельзя.

* * *

На исходе сентябрьских дней
я пойму среди листьев балета,
что с годами твой образ бледней,
словно месяц с лучами рассвета.

С той поры не один уже год
город прячется в жёлтые шали,
и сквозь листьев прощальный полёт
я прощаю всех, кто не прощали.

Всех, кому не дарил я тепла...
Велики эти скорбные списки.
Осень, как кредитор, сберегла
все мои долговые расписки.

А вокруг – безответная ночь.
дожидаюсь рассвета, как чуда.
Ну, кому бы, кому бы помочь,
если помощи нет ниоткуда?

* * *

Конус часовни. Слева
ржавой ограды копыя.
Кладбище. Запах тлена.
Склепы. Кресты. Надгробья.

В этом покое вечном
девочка в платье белом
весело и беспечно
«классики» чертит мелом.

Патина в прутьях сквера.
Глупых синиц усердь...
Как ты наивна, вера
в собственное бессмертье!

Нам никуда не деться:
обречены с рожденья.
Боже, продли нам детства

сладкое наваждение!

Мир, когда в плеске ночи,
необъяснимо светел,
счастье тебе пророчит
звездный зелёный ветер.

Навсегда голубое небо

* * *

«Я тебя туда поведу,
где берут лишь улыбкой мзду,
где раздолье лунному льну.
Хочешь? Я ведь не обману.
Там причудлив полян узор.
Там всегда избыток весны.
Там глаза раскосых озёр
влагой ласковою полны.
В этой светлой вешней воде
хороводит рыбок табун.
Там поможет тебе в беде
очень добрый старый горбун...».

Говорила она в ответ:
«Не могу я поверить в бред.
Ты на карте мне покажи
той страны твоей рубежи,
очертанья прибрежных скал.
Ты все выдумал, прямо стыд.

Сказка. Ты от нее устал,
хватит, кажется, атлантид!
Злы, уродливы горбуны,
мстят красивым, страшна их месть.
Нет на свете твоей страны...»

«Но страна эта все же есть!
Там давно уж вовсю весна.
Посмотри и себя не мучь:
высылает тебе она
письма в синих конвертах туч».

* * *

Никого она не спросит,
отчего такая просинь, —
с шумом в окна залетает
птица-осень, птица-осень —
золотая-золотая.

По руинам коммунизма
бродит ветер, словно призрак,
там, где надо и не надо.
Это – признак, это – признак
листопада, листопада.

Он планирует на крышу,
словно пёс дворовый, рыщет,
невесомой тая тенью.
Только слышу, только слышу

шелестенье, шелестенье.

В нем какое-то рыданье,
словно нет мне оправдания
в том, что я незрел и ветрен....
Час прощанья, час прощанья,
с чем-то близким, с чем-то светлым.

* * *

Как бы мне снова там оказаться,
как бы спланировать с высоты
туда, где белою пеной акаций
вскипают, как молоко, сады?

В городе этом плоские крыши,
речка впадает в узкий залив.
Как фитилёчек огненно-рыжий,
вьется по небу пламя зари.

Как бы мне снова с той повидаться,
с кем никогда не делил жильё?
Сколько тогда ей было? Семнадцать?
Столько же дочери старшей её.

Пододеяльник молча утюжит
и у окна смотрит пристально вдаль.
Только в глазах её – синяя стужа,
только в глазах её – выюжный февраль.

* * *

Из другого времени этот хрусткий иней.
Четкость геометрии черно-белых линий.
Бал бескрайней полночи. Снега пелерина.
Лист последний кружится, словно балерина.
Ветер юго-западный дует, негодуя...
Слышишь эту музыку, музыку ночную?
Слышишь, эта музыка овдовевшей птицей
зимовать оставшейся в дверь твою стучится
и глядит, бездомная, сквозь седую заметь
белыми, безумными
лунными глазами?

* * *

Вчера еще вьюга шумела,
а нынче капель во дворе...
Какое напрасное дело —
писать о зиме в декабре!

Пусть стилем владеешь ты ловко,
не лезешь за словом в карман,
прекрасна твоя зарисовка,
но это отнюдь не роман.

Сюжетная схема зависла,
ты лучше пока не спеши
Не видишь глубинного смысла?
Включай тогда трепет души.

И ты угадаешь по звуку,
где правда таится, где ложь,
во всём, если радость и муку
свои и чужие поймёшь.

* * *

Цвет осыпался с липы,
душным ветром обдав...
Где найти тебя, либо
не найти никогда?

Неужели отринешь?
Я ведь не изменял.
Ты меняешь свой имидж
и свои имена.

Ты не требуешь денег,
да и дело не в том.
Кто же ты, в самом деле?
Может, просто фантом?

Слово «нет» не согреет.
И года – как века...
Ты прости, что не время
нашей встрече пока.

Может быть, уже поздно?
Мы живём невпопад,
не надеясь, как звёзды,

что и к ним прилетят.

* * *

Буянит мокрая метель,
заносит свежие следы...
И – только память, только тень.
И только горький знак беды.

Забудь! Прошу: не оплошай!
Рискуешь маятой ночей.
Ведь эта память – как лишай,
её не вывести ничем.

...Тогда еще сильней мело —
не видно в двух шагах вокруг.
Метель царапала стекло —
она была наш враг и друг.

И было холодно в дому.
Топилась печь, но пол был сыр.
И ты молчала – потому,
что счастья выразить нет сил.

Забудь! Ты тихо так уйдешь,
лучом по самой кромке льда,
и я опять поверю в ложь,
и в этом – вся моя беда.

Не надо в небе журавля.

Где ложь, где правда, мы поймем.
Не надо только растравлять
воспоминаний о былом.

Не надо после и теперь —
такой вот вышел заворот:
ведь прошлое – всего лишь тень,
оно шмыгнуло за порог.

И как ты это ни толкуй,
забудется тот старый дом,
как твой холодный поцелуй,
что на губах застынет льдом.

* * *

Меня оберегая и жертвуя собой,
ты хочешь, чтоб другая была моей судьбой?
Ну, что ж, я буду с нею в дни счастья и беды,
и, если заболею, она подаст воды.

Но дай мне, Боже, силы, чтоб я когда-то смог
сказать тебе спасибо
за тот воды глоток.

* * *

Видно, в отпуске лесорубы —
оттого осмелели лоси.
Это – лето пошло на убыль,
это значит – приходит осень.

И природа вновь засыпает,
неуютно, тоскливо, пусто,
и следы твои засыпает
золотисто-прощальным хрустом.

Но где встретились мы с тобою,
там, где высятся скалы немо,
там останется голубое,
навсегда голубое небо.

* * *

Метель такая, что не усну я,
она таранит мой дом с разбега,
она буянит, к тебе ревнуя,
швыряя в окна ошмётки снега.

И это длится не меньше суток,
и мне становится очень страшно,
когда мутнеет опять рассудок
в плену у страхов моих вчерашних.

И ветра хищен орлиный клёкот,
и след скрывается в мраке санный,
и ты, как раньше, опять далёко —
в холодном студне воспоминаний.

А что в них? Только одни потери,
да быстрый взгляд, да остывший ужин.

Они тревожны, как бег метели,
они смертельны, как ветер стужи.

Что такое наше счастье?

* * *

Ты уже дома. На кресле
джинсы повисли уныло.
Ты извини меня, если
что-то неправильно было.

Нам не везло в лотерее —
было так счастье далёко.
Я никогда не посмею
высказать даже упрека.

И ничего мне не надо,
только бы снова прижалась,
чтоб в откровенности взгляда
наша любовь отражалась.

Чтобы мы верили оба,
что попрощались с бедою,
что ветровые сугробы
станут проточной водою.

* * *

Вот сидим мы на детской площадке,
там какие-то башни, лошадки,

сыплет снег, тень ползет, как удав,
неустойчиво все, нестабильно,
и нетрезво, и очень обидно,
что мы встретились, так опоздав.

Но ты знаешь, не надо про это.
Так досадно, что кончилось лето
нашей юности. Вот и зима.
Ничего не придумаешь хуже...
А в глазах твоих – серая стужа,
впрочем, это ты знаешь сама.

Помолчим. В лед вмерзают минуты.
Я прибавил тебе неуютя,
только это совсем не теракт.
Час Быка. Демон зла где-то рядом,
и несёт диоксиновым смрадом,
и так больно, когда не контакт.

Мы с тобою, но так одиноко.
Что-то тёмное смотрит из окон,
и блестит ледяной окоём.
Снег частит, но не то, чтобы шибко,
мы, – наверное, чья-то ошибка —
та, которой себя попрекнём.

* * *

Виноград шелковицу обвил,
жарко ей от такого притула:

у растений во время любви
повышается температура.

И струит благодатный огонь
по зелёной бесчисленной рати.
Разве можно любить без того,
чтоб рассудок вконец не утратить?!

Так и мы. Это, может быть, грипп,
но симптомы неявные, робки.
Я себя ощущаю, как гриб,
на дымящейся сковородке.

Снова ночи проходят без сна —
сон куда-то в безбрежье отчалил,
но для нас наступила весна,
хоть зима ещё в самом начале.

Мир затих, напоённый луной,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.